Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 1, pp. 75–92, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-75-92
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 397+398

Образ лисицы в культуре хакасов (конец XIX – середина XX в.)

Венарий Алексеевич Бурнаков¹

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17, пр. Лаврентьева, 63090 Новосибирск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

0000-0001-9636-3081. E-mail: venariy@ngs.ru

© КалмНИЦ РАН, 2020

© Бурнаков В. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу одного из ключевых зоологических образов — лисицы в традиционном быту, социо-нормативной и обрядовой практике хакасов. *Целью* работы является характеристика образа лисицы в культуре указанного народа. Исходя из этого, были поставлены такие задачи, как: выявление роли лисицы и ее образа в быту и практической деятельности; определение значения этого зверя в мировоззрении и ритуальной практике хакасов. *Хронологические рамки* работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван состоянием источниковой базы по теме исследования. *Основными источниками* являются опубликованные этнографические и лексические сведения, а также фольклорные материалы по обозначенной теме. *Методология.* Ведущим в работе является принцип историзма, когда любое явление культуры рассматривается в развитии и с учетом конкретной ситуации. Применяются историко-этнографические методы: пережитков (реликта) и семантического анализа. *Результаты.* В работе впервые систематизированы и проанализированы историко-этнографические и фольклорно-лингвистические материалы по рассматриваемой теме. Введены в широкий научный оборот фольклорные сведения — отрывки из хакасских героических сказаний — *алыптыг ныхах'ов*, впервые переведенные автором на русский язык. Охарактеризованы место и роль лисицы и ее образа в утилитарной и обрядово-символической практике народа. *Выводы.* Исследовав проблему, автор пришел к выводу о том, что лисица выполняла важную роль в культуре хакасов. В их быту и практической деятельности этот зверь был ценен и востребован своим мехом, обладавшим высокой материальной и символической ценностью. Лисьи шкуры широко использовались для внутреннего потребления при изготовлении одежды и в качестве платежного средства. В традиционном мировоззрении хакасов образ лисицы наделялся высоким семиотическим статусом. Во многом он был детерминирован биологическими особенностями этого животного, в частности, его внешними зоологическими характеристиками, высоким интеллектом, поведением и, конечно же, средой обитания. Мифологический образ лисицы тесно связан

с представлением о небе и небесных объектах и наряду с этим имеет прямое отношение к нижним сферам мироздания и ее демоническим обитателям. В религиозно-мифологических воззрениях лисица наделялась чертами медиатора. Вместе с тем в религиозно-мифологических воззрениях народа обнаруживается прямое отождествление лисицы с женским началом, в котором совмещаются как положительные, так и отрицательные черты.

Ключевые слова: хакасы, культура, верования, образ и символ, шаманизм, фольклор, эпос, *түлгү* 'лисица'

Для цитирования: Бурнаков В. А. Образ лисицы в культуре хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 75–92. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-75–92

UDC 397+398

Image of Fox in Khakas Culture: Late 19th – Mid-20th Centuries

Venariy A. Burnakov¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (17, Lavrentiev Ave., Novosibirsk 630090, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

0000-0001-9636-3081. E-mail: venariy@ngs.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Burnakov V. A., 2020

Abstract. Introduction. The article analyzes a key zoological image of fox in everyday life, socio-regulative, and ritual practices of the Khakas people. **Goals.** The work aims at delineating the image of fox in respective ethnic cultural contexts, and seeks to identify its role in everyday life and household activities, estimate significance of the animal manifested in Khakas worldview and ritual practices. **Materials and Methods.** Analyzed are late 19th – mid-20th century published ethnographic, lexical, and folklore materials. The key research principle employed is that of historicism which helps view each cultural phenomenon as an extensive process determined by respective actual conditions. History and ethnography research methods include those of relict examination and semantic analysis. **Results.** The paper is the first attempt to systemize and analyze historical, ethnographic, folklore, and linguistic materials dealing with the topic. It introduces some folklore texts, such as Russian translations of fragmented Khakas heroic tales — *alyptyg nymakh*, characterizes the role of fox image in mundane and ceremonial practices of the ethnos. **Conclusions.** The study concludes the fox used to be essential enough to Khakas culture, which was due to its valuable fur and related symbolic (social status) advantages. Fox skins were used for traditional clothing and as a means of exchange. The Khakas people endowed the fox with high semiotic ranks, largely determined by its biological properties, such as zoological characteristics, acute mind, behavior, and living environment. The mythological image of fox is closely related to the Heaven and celestial objects, being simultaneously associated with lower (underground) realms and their demonic inhabitants. So, according to religious and mythological beliefs, the fox would often act as mediator. However, the cultural tradition tends to identify fox with woman and female principle at large, the latter including both positive and negative features attributed.

Keywords: Khakas, culture, beliefs, image and symbol, shamanism, folklore, epic, *түлгү* 'fox'

For citation: Burnakov V. A. Image of Fox in Khakas Culture: Late 19th – Mid-20th Centuries. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 75–92. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-75-92

Введение

Животные с древнейших времен являются неотъемлемой и важной частью природного окружения, хозяйственной деятельности и мировоззрения человека. Образы животных являются одними из ключевых в духовной культуре многих народов мира, в том числе и хакасов. В быту, мифологии, фольклоре, традиционных верованиях и обрядности хакасов часто встречается образ лисицы (хак. *түлгү*). К сожалению, вопросам выявления и изучения мировоззренческого комплекса об указанном животном до сих пор не уделено должного внимания в хакасской этнографии и фольклористике. Целью работы является характеристика образа лисицы в культуре указанного народа.

Лисица в быту и практической деятельности

Обширный ареал обитания и повсеместная распространенность этого животного, а также его красивый и ценный мех всегда привлекали к нему внимание людей [Щукин 1847: 417].

Лисица являлась и остается одним из важных объектов охотничьего промысла. Интерес к ней, как уже отмечено, связан с ее весьма привлекательным и дорогостоящим мехом, который и по сию пору широко используется при изготовлении одежды и пр. Наибольшее распространение среди хакасов получил головной убор, либо полностью сшитый из шкуры этого животного, либо с ее частичным применением. При этом в быту такие шапки носили и продолжают носить как мужчины, так и женщины.

Известный ученый XVIII в., академик Г. Ф. Миллер, описывая обозначенный элемент одежды указанного народа, сообщал: «Женские шапки у татар [хакасов. — В. Б.] и брацких по большей части оторочены мехом серой лисицы (душки), мужские шапки — мехом с лисьей спины. Оторочку мужских шапок в зимнее время при больших холодах можно опускать, чтобы предохранить лицо» [Миллер 2009: 127].

Среди женских головных уборов наиболее дорогими и престижными считались те, которые были сшиты из меха черно-бурой лисицы. В традиционном хакасском обще-

стве обладание подобным предметом гардероба указывало на высокий социальный статус и материальный достаток его хозяина (чаще — хозяйки) и ярко выделяло его среди всех остальных сородичей [Кропоткин 1895: 32; Костров 1884: 211; Шибаева 1959: 68–69].

Наибольшую распространенность и известность у хакасов, особенно среди этнической группы качинцев получила *түлгү пөрик* ‘лисья шапка’. Ее шили из меха черно-бурой или красной лисицы. Указанный головной убор являлся обрядовым и обычно надевался лишь по праздникам, в том числе и на свадебную церемонию. Ю. А. Шибаева совершенно точно заметила, что ее обладательницы гордились им и особо берегли. Их в каждом улусе бывало лишь одна-две, потому что стоили они дорого [Шибаева 1959: 70]. Оригинальные сведения о *түлгү пөрик* встречаются в работе А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы» [Кузнецова, Кулаков 1898: 169–170]. Приведем их: «Женские шапки, предназначенные для праздников и свадеб, шьются совершенно иначе и надеваются и зимой, и летом. Тюлгю пюрик (лисья шапка) надевается одними лишь замужними женщинами, принимающими участие в свадьбе, главным же образом свахою, а также иногда и самою невестою (ул. Морозов на Сырах, Аск. У.). Тюлгю пюрик же надевает и молодуха, когда едет в определенный для мировой срок обыкновенно чрез год после свадьбы, к своим родителям (Синяв. ул., Аск. У.). Эта шапка шьется всегда из лисьего меха, у богатых из дорогой черно-бурой лисицы. Высокий меховой околыш подбивается какой-нибудь дорогой материей и идет вокруг головы в виде большого кокошника с разрезом позади. В окружности околыш имеет от 1 ½ до 2 арш. длины. Круглая тулья из парчи или шелковой материи почти совершенно скрывается за высоким околом; она собрана посредине и к ней сверху пришита большая шелковая кисть. Надевается тюлгю пюрик поверх платка прямо на лоб. Стоят от 70 до 500 руб. В настоящее время эта свадебная шапка сохранилась в Абаканской и Аскизской Управах; у кизыльцев тюлгю пюрик теперь уже не встречается, но ста-

рики помнят, что лет 30–40 т. н. эту шапку еще надевали на свадьбах (ул. Оракский и Костинский)».

У хакасов в прошлом бытовал обычай, имеющий отношение к традиционным охотничьим нормам. Суть его сводилась к следующему. Добытую лисицу охотник отдавал девушке — победительнице в *килін чарыс* «состязание невест», которое организовывалось в связи с указанным событием. Согласно правилу, одержавшая победу должна была из лисьего меха изготовить для себя шапку свахи *түлгү пөрік* [Бутанаев, Монгуш 2005: 93].

Обратим внимание на то, что в традиционной культуре каждого народа и хакасов, в частности, сваха выполняла важную связующую роль в процессе взаимодействия двух родов — жениха и невесты. Во многом от ее харизмы, житейской мудрости, искусной речи и прочих факторов зависел успех заключения брачного союза. В данных обстоятельствах немаловажное значение придавалось традиционному костюму свахи, обладавшему широким семиотическим по-

лем и создававшему ей особый ореол. Одним из неотъемлемых и маркирующих его элементов наряду с *идектиг тон* «шубой» и *ного* «нагрудником» была шапка — *түлгү пөрік*. Поэтому не лишена оснований мысль некоторых исследователей о том, что «в любой традиционной культуре сваха — это особый человек, задачей которого является любым способом добиться самого выгодного варианта заключения сделки для стороны жениха. Образ свахи в какой-то степени соответствует образу хитрой, изворотливой лисицы. В этой связи шапка из лисы расценивалась, на наш взгляд, как предмет, призванный помочь свахе» [Содномпилова, Нанзатов 2016: 55].

Образ *түлгү пөрік*, столь важного элемента женского гардероба, нашел отражение и в фольклоре, например в загадке: *Узун агас пазында улуг хус одырча (түлгү пөрік)* «На вершине высокого дерева сидит большая птица (лисица шапка свахи)» [Доможаков 1951: 77]. Отметим и то, что *түлгү пөрік* часто фигурирует и в героических сказаниях — *алыптыг ныхмах* «ах:

*Алтын Арыг абахайы,
Хара түлгү пөрігін хамагына салып,
Хара торгы кибиң иңніне кизіп,
Адазының ибін көре,
Пала хас чілі пайбаңнап,
Пузур хас чілі пуйбаңнап,
Пас килеедір*

‘Алтын Арыг красавица,
[Из] черной лисицы шапку [на] лоб натянув,
Черное шелковое одеяние на плечи надев,
[На] отчий дом глядя,
Подобно гусенку переваливаясь, идет
Словно большой гусь, покачиваясь,
Подходит’
[Кёк Хан 1974: 39]; (перевод наш. — В. Б.).

*Алтын Арыг чаңалары
Ала маңных тонын аргазына кискен,
Хара түлгүзін хагыйта салган*

‘Алтын Арыг старшая сестра [их]
Пёструю просторную шубу [на] спину надела,
[Шапку из] черной лисицы, [на] голову [с размаху] надела’
[Алтын Тайчы 1973: 113]; (перевод наш. — В. Б.).

Столь значимая роль, отводимая шапке из лисьего меха в церемониальной практике хакасов, способствовала перенесению ее образа и в шаманскую обрядовую поэзию. В традиционных воззрениях народа одними из самых почитаемых божеств Среднего мира являются *таг ээлері* «горные духи». Они осмысляются не только в качестве наиболее влиятельных земных духов-хозяев, но еще и далеких предков. В религиозно-ми-

фологическом сознании хакасов *таг ээлері* часто представляли в антропоморфном виде. Полагали, что на головах они носят лисьи шапки. В молитвенных обращениях к ним всегда акцентируется внимание на указанном предмете их гардероба: «[О горный дух — покровитель бурых коней] ноги твои ступают на белые хребты, полы касаются извилистых гор! Шапка у тебя из черной лисицы, кнут — из черной выдры!»; «(О владыка,

горный дух) обмахиваешься ты белыми и синими лентами, едешь верхом на сине-сиром коне, сбруя (твоего коня) — серебряная узда, шапка (у тебя на голове) — из красной лисицы!»; «[О горный дух] едешь ты верхом на черно-буром коне, кнутом тебе служит черная выдра, шапка твоя — черная лисица, жертвуется тебе богатая водкою кадка!» [Катанов 1907: 554–555, 557].

В прошлом зажиточные хакасы использовали лисий мех не только для изготовления шапок, но и шили из него шубы — *идектиг тоннар* [Шибачева 1959: 78, 84]. Подобное практическое применение шкуры рассматриваемого зверя нашло отражение и в эпическом творчестве. В нем нередко встречаются сюжеты, согласно которым богатыри, устраиваясь на ночлег, укрываются шубой / одеялом из меха черной лисицы [Катанов: 1887: 221–222; Катанов 1907: 183–184].

Таким образом, в традиционной культуре хакасов, как и других народов, шкура лисицы и иных зверей имела не только высокую материальную, но и символическую ценность, связанную с престижным потреблением. Она всегда была востребована. Все это естественным образом приводило к тому, что пушнина издревле выполняла еще и денежную функцию и служила в качестве распространенного предмета торгового обмена [Потапов 1952: 53]. Помимо того, как известно, в прошлом этот товар являлся одним из основных видов дани — *албан*. Не-

пременной ее составляющей был мех лисицы и иных пушных зверей. Так, например, в 1644 г. красноярский воевода об этом явлении у предков хакасов — енисейских кыргызов, сообщал: «В Тубу приезжают калмыки и мугалы и емлют с кыргыских людей и с тубинцев ясак некладной, з 10 скотин емлют 10-ю скотину, сверх мягкой рухляди, соболей и лисиц, и бобров, и кошолоков» (цит. по: [Потапов 1952: 57]). В XVIII в. после присоединения Хакасии к Российской империи и вплоть до XIX в. взимание в государственную казну ясака в виде пушнины продолжилось [Потапов 1952: 110; Кузнецова, Кулаков 1898: 92; Чудновский 1885: 5; Щукин 1847: 409, 411].

Сибирская пушная продукция всегда пользовалась огромным спросом на внутренних и международных рынках. Указанная реалья в итоге привела к бесконтрольному и хищническому использованию соответствующих биоресурсов. В результате чего уже к XIX в. произошло значительное сокращение пушного зверя в Сибири и Хакасии в том числе. Падение добычи соответствующих диких животных привело к некоторому дефициту на рынке, а значит и росту цен на пушнину. В этой связи вызывает интерес динамика цен на этот товар в Хакасии, происходившая более 50 лет торговли пушшиной, а также конкретный вид пушнины, который добывался:

Таблица 1. Динамика цен на пушнину в Хакасии в 1840–1896 гг.
[Table 1. Dynamics of Prices for Furs in Khakassia, 1840–1896]

Цены в рублях за годы	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1896
Медведь	4.1	3.0	6.4	7.1	5.8	7.0	12.5
Волк	2.1	1.6	2.8	2.3	2.9	2.8	2.8
Соболь	3.2	3.0	5.5	7.5	8.3	9.0	7.3
Белка	0.07	0.10	0.12	0.13	0.16	0.9	0.11
Лисица	2.1	3.0	4.1	5.5	4.5	5.5	5.7

[Кузнецова, Кулаков 1898: 91].

Итак, широкая распространенность лисицы, престижность потребления ее меха и обусловленная этим постоянная востребованность на рынке способствовали росту интереса к ней в обществе. Данные реалии до поры до времени стимулировали развитие пушного промысла. Применялись новые методы добычи этого зверя. Все это, безусловно, требовало хороших знаний о нем — главным образом, особенностей его

биологического поведения и повадок. Вместе с тем в традиционной культуре хакасов знания о лисице носили не только рациональный, но и иррациональный характер. Религиозно-мифологические воззрения хакасов о лисице, как и о других животных, формировались задолго до развития и активизации пушного промысла. Представления о ней, несомненно, своими корнями восходят к архаическим пластам верований.

Религиозно-мифологические воззрения о лисице

В культуре хакасов, как и многих других народов, лисица неизменно выступает универсальным и ярким символом хитрости, ловкости и плутовства. Эти ее качества широко представлены в устном народном творчестве и обыденной речи. Образ лисицы с обозначенными чертами характера, порой даже и возведенных до комического уровня, отображают лишь одну из граней ее сложного и неоднозначного образа. Отметим, что изучение этого вопроса в дальнейшем будет предметом подробного рассмотрения нами в отдельно взятой статье.

В космогонических представлениях хакасов образ лисицы нередко ассоциируется с отдельными небесными светилами. Так, Н. И. Попов зафиксировал у хакасов уникальный миф «Семизвездница или Большая Медведица» с известным мотивом небесной охоты. Приведем его: «Старик охотник гонялся за семью лисицами на земле и загнал их так далеко, что попал с ними и на небо. Там лисицы сделались семью звездами, и охотник тоже стал звездой, которая находится на востоке от Семизвездницы» [Попов 1884: 646]. Среди хакасов и других сибир-

ских народов встречается и другой вариант этого мифа. При этом его главными персонажами являются охотники с собаками и маралы [Мифы 2006: 11].

Связь образа лисицы с небом, включая некоторые объекты и явления, имеющие отношение к нему, обнаруживается и в культуре монгольских народов. Так, например, буряты полагали, что лиса, наряду с волком, имеет небесное происхождение. Более того, в их мифологических представлениях солнце и радуга порой соотносятся с образом указанного зверя [Николаева 2010: 277–283; Содномпилова, Нанзатов 2016: 49–50].

Лисица — воплощение женского начала

В традиционной культуре хакасов образ лисицы устойчиво отождествляется с женским началом. В мифологическом сознании народа заключение брачного союза символически соотносится с процессом добычи обозначенного зверя. Подобные представления нашли отражение в фольклоре. В нем добытая охотником лисица нередко олицетворяет собой желанную невесту [Унгвицкая, Майногашева 1972: 245]. Соответствующие ассоциации широко представлены в народных песнях — *тахпах'ах*:

*Хара тагның түлгүзін,
Хара адым читсе, соххайбын;
Харгаларның хыстарын,
Халим читсе, аларбын.*

*Сарыг тагның түлгүзін,
Сараадым читсе, соххайбын;
Сарыгларның хыстарын,
Сагызым читсе, аларбын.*

*Азыр тагның түлгүзін
Аттыг сүрзеңер, тударзар;
Алар ползаңар позымны,
Адам чіріне парарзар.*

*Игір тайганың түлгүзін,
Ибір пілзеңер, тударзар;
Изерттер ползаңар позымны,
Инем чіріне парарзар.*

‘Коль черной горы лисицу
Карий конь мой догонит, убью;
Жену из рода Харга,
Коль калыма хватит, — возьму.

Коль желтой горы лисицу,
Конь мой соловый догонит, убью;
Жену из рода Сарыг,
Коль смекалки хватит, — возьму’
[Хакаские ...1980: 32].

‘С двуглавой горы лисицу,
Если на конях погоните, поймаете;
Если сватать хотите меня,
В отцовскую землю приедете.

С крутой горы лисицу,
Сумеете окружить — поймаете;
С собой, если хотите меня увезти,
В материнскую землю приедете’
[Хакаские... 1980: 56].

«Под красный камень красная лисица заскакивает, когда человек заревет; к лисе красная девка придет — когда я закричу. Под черный камень черная лисица бежит, когда ее испугаешь; ко мне придёт девка с черной косой — когда я плетью пострашаю» [Островских 1895: 329].

Вместе с тем в приведенном фольклорном материале, наряду с устойчивой мифологической ассоциацией «лисица — девушка», выявляется такое реальное социокультурное явление, как дарообмен. В свадебной традиции хакасов и других народов он бытовал в виде выплаты калыма за невесту. В прошлом плата за невесту, помимо домашнего скота и прочих материальных ценностей, могла включать в себя еще и лисьи шкуры. Подтверждение тому также находим в известной народной поговорке:

Хызыл түлгү ахчаа турчаң,
‘Красная лисица денег стоит,

*Андаг кўннернїң пїрсїнде,
Таңның харазы тўскенде,
Хызыл от чїли сагылып,
Хызыл мерчїктї сўрїзїп,
Хан Тўңїстїң алнынча
Хызыл тўлгў ўкўс салган.
Таң хараазында хызыл тўлгў
Таңнастыг сїлїг чалбыраан.
Тыргах узынаң хаап ала,
Хызыл мерчїкнең ол ойнаан.
Турган орнында тыып парып,
Таңнабаали таңнидыр,
Чапсыбаали чапсидыр
Алып чахсызы Хан Тўңїс.
Олганда кўрген таңназы
Оңмас сїлїшїнең салгылча,
Алып ўлўзїн алганча.
Хызыл тўлгў, сегїр кїлїп,
Хызыл мерчїктї, кїл, тастаан
Хан Тўңїстїң хойнына кире.
Тўстең усхуна чачыраан чїли,
Тїтірі тўскен ирнїң чахсызы.
Харбанып ала кўр турза,
Хызыл мерчїгї хойнында.
Хатап харап кўрїбїссе,
Хызыл тўлгўнїң ізі дее чоғыл.
Хайзы-хайзы чирлерде
Харых ачыстыг кўг чайылча,
Хайхастыг сарын истїлче:
— Хырыга тїстїг хара чир теербен
Хырых айланып тартылып тур ноо,*

Хыс кїзі халыңа турчаң
Девушка стоит калыма’

[Мудрое слово 1976: 96].

Обратим внимание на то, что в традиционном сознании указанная пушнина, помимо сугубо утилитарного, имела еще и высокое символическое значение. Лисица, непосредственно олицетворявшая собой женское начало, в семиотическом плане была равноценна девушке-невесте. Таким образом, в процессе брачного договора между двумя родами производился своеобразный равнозначный символический обмен «баш на баш».

Образ суженой невесты, предстающей перед богатырем в образе красной лисицы и своей мистической силой призывающей его к себе, встречается в одном из хакасских героических сказаний. Приведем соответствующий отрывок из указанного произведения:

‘В один из таких дней,
[Когда] предрассветная тьма отступила,
Красному огню подобно искрясь,
[Когда он за] красным мячом гонялся,
Перед Хан Тонисом
Красная лисица промчалась.
[В] предрассветной темноте красная лисица
Изумительно красиво просияла.
Когтями [своими] хватая,
[С] красным мячом она играла.
На том месте, где стоял, [так и] застыл [он],
Удивляясь, изумляется,
Поражаясь, восторгается
Лучший из богатырей Хан Тонис.
[В] детстве виденное, диво
[Этой] красотой [был] взволнован,
Богатырь [свою] судьбу благодарит.
Красная лисица, прыгнув вдруг,
Красный мячик неожиданно бросила
Хан Тонису прямо [в] его объятия.
[Словно] ото сна [резко] очнувшийся [человек],
Вздрыгнул муж достойнейший.
Ощупывая [то место] видит,
Красный мячик на груди [у него].
Снова взглядом окинул [вокруг],
Красной лисицы [и] следа нет.
[В] каких-каких землях
Тоскливая мелодия разливается,
Удивительная песня слышится:
— Сорок зубов [у] черной земли [она подобна] мельнице,
— Сорок [раз] провернувшись, мелет она ведь,

*Хызыл чўреемни аптап салган
Ах хардаң арыг агох чўзінніг
Абахай төреем алып Хан Төңіс,*

*Ал позымны албас таа ползаң,
Адам чиріне айбынмин килдек,
Агылахтап сөлир сөзім пар полчаң.
Отыза тістіг ойлаңа теербен
Отыс айланып тартылып тур ноо,
Олганнаң өзім өстедіп чөрген
Час хардаң нымзах чагбан чўректіг
Чалахай төреем сіліг Хан Төңіс,*

*Изертпезең дее ирке позымны,
Ізем чиріне ибірліп килдек,
Изептеп сөлир сөзім пар полчаң.
Читі азыр пастыг чікім Көбк тасхыл*

*Адамның чирі сагынча полар.
Читі талайның пилтірі полған
Іземнің чирі чиксепче полар*

“Красное сердце [моё] очаровавший,
Белого снега чище [с] белым лицом
Красавцем рожденный богатырь

Хан Тонис,

[Если] даже меня не возмёшь [в жёны],
[В] землю отца [моего] не задерживаясь, приезжай,
Мудрые слова [для] беседы [с тобой] имеются.
О тридцати зубьях быстро [вращалась] мельница,
Тридцать раз промоллов, остановится [ведь],
[С] детства [из] горла стоны [издавая], ходивший,
Свежего снега мягче [с] добрым сердцем
Приветливым рожденный, красивый

Хан Тонис,

[Даже если] не увезёшь с собой ласковую меня,
[В] землю матери [моей] обойдя, приезжай,
Благодарные слова [для] беседы [с тобой] имеются.
О семи раздвоенных вершинах отвесная [гора] Көбк та-
схыл

[О] земле отца [моего] думает, наверное.

Семи морей устье [которых] было

Землём матери [моей] тоскует, наверное’

[Хан-Тонис 2007:299–301]; (перевод наш. — В. Б.).

О связи образа лисы с феминностью свидетельствует наличие в культуре хакасов соответствующих имен. В фольклоре хакасов чрезвычайно распространенными были женские «лисы» имена. Среди героинь часто встречаются такие имена, как: *Алтын Түлгү* ‘Золотая Лисица’, *Түлгү Хызыл* ‘Красная / Рыжая Лисица’, *Түлгү Арыг* ‘Чистая Лисица’, *Түлгү Хызыл Алып* ‘Красная Лисица богатырша’, *Түлгү Хыс* ‘Лисица-Дева’ и пр. [Катанов 1887: 234; Түлгү-хызыл 1951: 35, 154; Хан Орба 1989: 204; Субракова 2007: 62, 159, 160].

Отметим то, что образ лисицы как воплощение женского начала встречается не только у хакасов, он обнаруживается в культуре других сибирских народов. По сообщению Н. Н. Николаевой, у бурят «лисе (унэгэн) лексически часто сопутствует определяющее слово *эзы* (варианты: *эзии*, *изы*) ‘женщина’, ‘баба’, в отношении животных ‘самка’» [Николаева 2010: 280]. Вызывает глубокий интерес то, что якуты в процессе

охотничьей обрядности на добытую лисицу обычно надевали женское серебряное украшение [Алексеев 1975: 44]. Тем самым, очевидно, манифестируя ее женскую ипостась.

В эпическом творчестве хакасов одним из самых распространенных является образ женщины-богатырки, которая наравне с мужчинами защищает родную землю и свой народ от всевозможных врагов. Как справедливо замечает Н. В. Шульбаева, в ее образе «органически синтезированы черты мифологизма, женственности и богатырства. Например, образ Пора Нинчи в алыптыг ныхмах’е «Тошпах харахтыг Пора Нинчи («Пучеглазая Пора Нинчи»), записанного от великого хакасского сказителя П. В. Курбижекова, представлен не только как хранительницы очага, заботливой матери, но и как богатырки» [Шульбаева 2016: 90]. Примечательно то, что указанная героиня в процессе борьбы с подземными существами оборачивается именно в лисицу черной масти — *хара түлгү*:

*Анаң андар Пора Нинчи,
Тыр сілігін салыпхан.
Ўс хулас сунныг хара түлгү полып,
Кирилп-сееліп, ойлап сыххан*

‘Затем Пора Нинчи
С шумом встряхнулась.
Трехсаженной черной лисой став,
Вытянувшись, помчалась’

[Шульбаева 2016: 90].

В эпосе «Алтын Арыг» [Алтын Арыг 1988: 48, 290] героиня по имени «Пис-тумзух-Плѣ-Харын» для свершения своих подвигов также принимает вид черной лисицы:

*Алты айланьп, абахай чахсы,
Читі ибiрiлiп парьп,
Тырлада сiлiгiнгенде,
Хара тўлгў полыбысхан*

‘Шесть раз благородная женщина туда-сюда прошла,
Семь раз повернулась,
С шумом встряхнулась —
Черной лисцей обернулась’.

В героическом сказании «Ай Мічікнің и Кўн Мічік» [Ай Мічікнің 1993: 23–24] богатырка Алтын Сас, скрываясь от преследователей, опять-таки превращается в лисицу:

*Алып кўчўннер мында суулас турлар
– Алып тўреен Алтын Састы
Чир ўстўн читі кіресті сўр чўрдібіс,*

*Чир дее чит полбадыбыс.
Хызыл тўлгў кибіне
Кіріп тискен тісчелер
Хара тўлгў полып
Чир алтына кір чўрдібіскен тісчелер.
Алып кўчўннер аның соонаң,
Чаза тудып, чаза хаап,
Кірі чўрдібіскеннер чир алтына*

‘Богатыри-силачи здесь зашумели:
— Богатыркой рожденную, Алтын Сас
[По всей] поверхности земли семикратно
крест-накрест преследовали,
Земли так и не достигли.
[В] шкуру красной лисы
Облачившись, [она] убежала, говорят,
Черной лисой став,
Под землю ушла, говорят.
Богатыри-силачи после этого,
Не поймав, не схватив [ее],
Последовали [за ней] под землю’
[Ай Мічікнің 1993: 23–24]; (перевод наш. — В. Б.).

Неординарные свойства лисицы

В эпических повествованиях хакасов лисица наделяется такими эпитетами, как: *аң кўлўгі* ‘[самая] проворная / храбрейшая из зверей’ [Алтын Арыг 1988: 48–49, 290; Хакассский героический 1997: 220–221], *кўлўк тўреен* ‘удалою рожденная’ [Кильчичаков 1946: 76]¹ и пр. Надо полагать, что обозначенные мифопоэтические определения, часто применяемые по отношению к образу лисицы, не случайны. Во многом они детерминированы ее биологией. Как известно из зоологии, у этого зверя отличный слух и нюх, а также сильно развита наблюдательность и зрительная память, благодаря чему он хорошо ориентируется в пространстве и легко адаптируется к различным внешним условиям. Помимо того, лисица очень ловка, вынослива, изобретательна как в охоте, так и при уходе от преследования врагами [Герасимов 1950: 14–18].

В. И. Вербицкий, фиксируя мнения алтайских охотников о незаурядных способностях лисицы, отмечал: «Лисица и ночь переночует, а [нужный ей] след найдет» [Вербицкий 1993: 233].

Вызывает глубокий интерес суждение известного охотоведа С. О. Лосева, основанное на длительном наблюдении за поведением лисицы в разных ситуациях: «Ум, хитрость, находчивость, изворотливость, сметливость и необыкновенное умение в минуту неизбежной гибели пользоваться самыми ничтожными средствами и случаями и с помощью их в глазах своего грозного преследователя извернуться, обмануть, проскользнуть, как ртуть между пальцами, и исчезнуть, как дым от ветра, — вот качества этого проворного и увертливого зверька» [Лосев 2007: 76].

Любопытство, чрезвычайная подвижность и юркость лисицы в традиционном мышлении формировали представление о ней как о существе, находящемся в состоянии постоянного поиска и движения, а зачастую и неуловимом. В хакаских сказках, по-видимому, не случайно приводится сюжет, согласно которому богатырь получает предостережение от бесперспективной попытки добыть лисицу ввиду ее неуязвимости: «Давешний рыжий конь его теперь заговорил: „О Кан Иргек (царь — большой палец), не только ты, но даже твои родственники и потомки не поймают

¹ Перевод наш. — В. Б.

чёрной лисицы!»» [Катанов 1907: 296]. В мифологических воззрениях хакасов была убежденность в том, что этот зверь способен преодолеть любые запредельные пространства. Подобные представления нашли отражение и в эпике:

*Саасхан түспес сарыг чазылар,
Хусхун түспес хуу чазылар
Ир соонда көп халчалар.
Ат чорыгында парчатса,
Хызыл түлгү удур чүгүрчедір*

‘Желтых степей, [где] сорока не садится,
Белесых степей, [где] ворон не опускается,
Позади мужчины много [земель] остается.
[В то время как] лошадь [его] рысью идёт,
Красная лисица навстречу бежит’

[Ай Мічікнің 1993: 49]; (перевод наш. — В. Б.);

*Чирнің үстүң читі толги
Чүгүртін-париған туста
Күлүк төреен хара түлгүнің
Кискен кичиглері поразынаң халадырлар
Асхан пирік таглары
Тозынның халадырлар.*

‘Поверхность земли семь [раз] кругом [объезжая],
[И во] время этого бега
Удалою рожденной черной лисицы
Пробегаемые [ею] малые [горы] с пылью оставались
Преодолеваемые [ею] труднопроходимые горы
В пыли оставались’

[Кильчичаков 1946: 76]; (перевод наш. — В. Б.);

*Хадарған малның ізі-чолына
Хара түлгү түскен,
Хумның чахсы чазыда
Халых салып ойлабысхан.
Тилегейде чирде тігірті чох килеедір,
Хан тигірінің паарында
Сагбазы чох полган,
Узун өс парған отты
Уйби пастин килеедір.
Чалбах нүрліг оттарны
Чабыра пастин килеедір,
Ханаттыг часхсы хус чіли,
Халлап, сиіліп одыр,
Алты күннің чирні
Аң күлүгі тобырған*

‘По следу-пути пастбищного скота
Черная лисица пустилась,
По песчаной степи
Быстро она побежала.
По земле бесшумно она бежит,
И в глубине неба-хана
Примет ее нет.
Высокой травы
Не приминяя, бежит,
Широколиственные травы
Не придавливая, бежит,
Как крылатая хорошая птица,
Взлетает она и парит.
Расстояние, [равное] шести дням [пути],
Проворный зверь пробежал’

[Алтын Арыг 1988: 48, 290].

К сказанному следует добавить и то, что в процессе реальной охоты — мышкования лисица нередко появляется вблизи проезжих дорог, по которым регулярно перемещаются люди [Зворыкин 1929: 14; Сугрובה 2004: 9]. В мифологическом сознании хакасов указанные представления, во многом обусловленные конкретными биологическими особенностями ее поведения, способствовали тому, что лисица не только стала напрямую соотноситься с образом «пути-дороги», но ее еще и наделяют признаками медиатора, осуществляющего связь между мирами. В связи с чем в хакасском фольклоре распространен сюжет, согласно которому герой, увлекшись погоней за лисцей, невольно попадает в потусторонний мир [Овичев 1905:7; Кильчичаков

1946: 73–102].

Лисица в шаманизме и традиционной обрядности

В культуре хакасов ключевым посредником между миром людей и духов, бытием и инобытием традиционно выступал шаман (хак. *хам*). Его мистическая сила определялась наличием у него духов-помощников — *төс'ов*. Полагали, что чем больше их было, тем более могущественным он являлся. Немаловажное значение при этом имел еще и конкретный состав подчиненных ему невидимых существ, которые, в свою очередь, также разнились своим магическим потенциалом и умением. Среди них были представлены духи, имеющие антропоморфные, зооморфные и иные облики. Одним из известных звериных шаманских духов была

лисица. Известно, что каждый из подобных сверхъестественных существ символически обозначался на шаманских атрибутах — костюме и бубне. Сильные шаманы — *пугдуры* нередко изготавливали *сызым* — сакральные ленты из шкур лисицы и выдры [Бутанаев 2006: 79].

Согласно этнографическим сведениям, в арсенале шаманки Тади Бурнаковой присутствовал дух-помощник под названием *Тогыс Хара Түлгү илг хурлыг оолгы* ‘Девять Черных Лисиц с пятьюдесятью поясами парень’ [Сагайский обряд 1998]. Следует заметить, что выбор указанного зверя в качестве мистического помощника *хам’а*, очевидно, был не случаен. В религиозно-мифологическом сознании хакасов лисица благодаря своему уникальному тонкому чутью воспринималась в качестве существа, способного видеть невидимое, слышать неслышимое и предугадывать предстоящее.

В традиционной обрядовой практике хакасов вместе с тем важное место отводилось сакральным изделиям, имевшим подобную же номинацию, — *төс*. В конце XIX в. соответствующие фетиши встреча-

лись практически в каждой семье. Обратим внимание на факт того, что культовые предметы — *төс’ы* не имели никакого отношения к *төс’ам* — духам-помощникам шамана. Более того, они выполняли совершенно иную роль. *Төс’ы*-фетиши служили в качестве постоянных семейно-родовых духов-охранителей и покровителей обычных людей. В то время как *төс’ы* шамана помогали непосредственно только ему и лишь в процессе камланий и иных сакральных действ. А в остальное время они жили своей жизнью на различных территориях.

Төс’ы-фетиши постоянно располагались как внутри жилища, так и в иных местах. Выполняли защитную, лечебную, покровительственную и иные функции. Одним из распространенных среди них был *түлгү төс* ‘лисий фетиш’. Хакасы были убеждены, что он помогал в ситуации трудных родов, а также при заболеваниях груди, спины, головы, ног и пр. [Бутанаев 2003: 134; Бурнаков 2016: 32–35]. В процессе отправления ритуала к нему часто обращались со следующими словами:

*Хызыл түлгее хубасказын!
Хырдаң хырга син чортхазың
Ой түлгее хубасказын!
Ой пазынаң син чортхазың*

‘Ты превратился в рыжую лисицу!
Ты бегаешь по холмам,
Ты превратился в желтую лисицу!
Ты бегаешь по вершинам логов’

[Бутанаев 2003: 224].

В народе верили, что, помимо своих основных функций, дух лисицы способен был еще и нейтрализовать негативные последствия дурного сна [Бутанаев, Монгуш 2005: 102].

Связь лисицы с Нижним миром

В традиционном мировоззрении хакасов животные, обитающие в воде, норах, скальных расщелинах и иных подобных местах, воспринимались в качестве существ, тесно связанных с Нижним миром. К их

числу причислялась лисица. При этом ее непосредственное отношение к обозначенной сфере мироздания обуславливалось не только биологической реальностью того, что она живет и воспроизводит свое потомство под землей — в норах, но еще и мистической связью с водной стихией. В эпических произведениях хакасов встречается сюжет, когда лисица с различными целями, в том числе ради спасения собственной жизни, погружается в водную пучину:

*Ўр бе, ас па полганда,
Ах пайзаңның істінең
Хызыл түлгү сыгып,
Чүгүр парып, хызыл талайга кірді.
Аның соонча ах пайзаңның істінең
Ала түлгү сыгып, чүгүр парып,
Хызыл түлгү хайдаң кірген,
Аннаңоң кіре халды.
Ўзінчизін ах пайзаңның істінең*

‘Долго ли, коротко ли было,
Из глубин белого дворца
Красная лисица, выйдя,
Побежав, в Красное море вошла.
После нее из глубин белого дворца
Пестрая лисица выйдя, [и] побежав,
[В то место] где красная лисица нырнула,
Туда же бросилась.
[В] третий [раз] из глубин белого дворца

*Хара тўлғу сыгып, чўғур парып,
Хызыл талайгох кірді<...>
Хызыл талайдаң хара тўлғу сыгып,
Ахсы ханына айлыхтыр,
Көксі ханына пурлугып,
Тайганы көре ойлабысты.*

Черная лисица выйдя, побежав,
[В] Красное море также нырнула <...>
Из красного моря черная лисица выйдя,
[От] крови [в] пасти [она] захлебывалась,
Грудь от крови вздымаясь,
Прямо в тайгу [она] умчалась'
[Хара Хусхун 1977: 57, 59]; (перевод наш. — В. Б.).

Следует добавить и то, что в хакасском фольклоре дочь водного владыки — *Талай хан*'а нередко оборачивается в черную лисицу [Потанин 2005: 789].

В религиозно-мифологических представлениях рассматриваемого народа в подземном мире располагалось царство умерших — *ўзўт чирі*. Его главой был *Ўзўт хан*. Согласно верованиям хакасов, «у него была дочь — „черная лисица“, которая, принимая вид лисицы, выбегала на землю и делала зло людям» [Орфеев 1887: 181]. В некоторых текстах имеется упоминание о дочери *Ўзўт хана* в виде пестрой лисицы (*ала тўлғу*), которая в паре с духом в образе красной лисицы с косами на лбу (*хамагында тулуңныг хызыл тўлғу*) причиняет вред обитателям солнечного мира [Хара Хусхун 1977: 63]. Отметим и то, что в устном народном творчестве хакасов помимо того фигурируют еще семь лисиц (*читі тўлғу*), которые наряду с некоторыми другими животными выступают в качестве охранителей подземного мира и жестоко преследуют непрошенных визитеров [Катанов 1887: 227].

Аналогичные представления бытовали и у бурят. Они воспринимали лисицу в ка-

честве «собаки» владыки загробного мира [Николаева 2010: 280]. В алтайских сказках лисицы нередко выступают в качестве дочерей шулмуса — злого духа, живущего в норе [Потанин 2005: 354–355].

В хакасском фольклоре жители Нижнего мира, изначально обладая антропоморфным или иным обликом, для свершения своих злокозненных деяний часто оборачиваются в животных и птиц [Катанов 1887: 230]. Одним из известных хакасских мифологических персонажей подобного рода является ведьма — *хуу хат*, живущая в глубоком подземелье. Она, как правило, враждебно настроена к людям. Причем в сказочных и иных повествованиях под этим наименованием часто фигурирует даже не одна, а целая группа отрицательных героинь. В процессе подготовки к злодеяниям они часто оборачиваются в черных лисиц. Так, например, в одном из таких произведений сообщается о том, что «младшая ведьма [*хуу хат*] превращается в черную лисицу и обманывает богатырей, находящихся под землею» [Катанов 1907: 219]. В эпическом творчестве хакасов имеются описания сцены противоборства богатыря и ведьмы *хуу хат*:

*Хара-сугны хастада сах андох
Хаалап-сыххан алып оолах —
Хуу-хаттың тискер чолынаң
Хаалап пар-сыххан улуг табрахнаң.
Хуу-хат чир алтынаң сыхтыр.
Алып төреен чалаас оолах пістің
Арбын чирии чара-кил сапхан.
Чир алтынзар кире сегиртібіскен.
Чир алтына тўзіп, көрчетсе —
Ах чазының арбыи істінде
Хырых хулас сынның өскен.
Хара тўлғу сах-ол тимде
Адаын кизире чўғурибіскен
— Адамның ачи ползын,
Инемнің оохайы ползын!
Хырых хулас сынның тігін.
Хыылап-париган хара тўлғуни*

‘Там, на берегу Черной реки,
[Стал] шагать-ходить [этот] мальчик богатырь
[По] обратной стороне дороги [ведьмы] Хуу-хат
[И] ходить [стал] сильно торопясь.
[Ведьма] Хуу-хат из-под земли вышла.
Богатырем рожденный, голый мальчик наш
Широкую землю [одним] ударом расколос.
В подземелье [прямо] внутрь спрыгнул.
В подземелье спустившись, видит —
В середине широкой белой степи
В сорок саженей высотой выросла.
Черная лисица там наготове
Перед конем перебежала
— [Пусть будет] отцовской горечью,
— [Пусть будет] материнской скорбью!
Сорокасаженную ту [лисицу].
Мчающуюся черную лисицу

*Азыр холларнаң тут-полбазам —
Ікі холым минің чөре хурузын!
Алтыма мўнген хара чабагам
Агаа читіре ойлан-полбаза
Төрт туйгагы суура чачыразын!*

[Если] растопыренными руками не поймаю —
[Пусть] обе руки мои отсохнут!
Оседланный мой черный жеребенок
[Если] его не догонит,
[То пусть его] четыре копыта соскочат [и] разлетятся’
[Кильчичаков 1946: 75–76]; (перевод наш. — В. Б.).

В героических сказаниях изучаемого народа, помимо ведьм хуу хат, представлены и другие отрицательные женские персонажи, связанные с подземным миром. Они также

обладают способностью превращаться в ли-
сиц и иных зверей и намеренно совершают
злодеяния:

*Сайлыг сынга сыгара ойласхан
Хара кўмўс тўктіг ўс тўлгў.
Тірледе сілігінібіскеннер,
Хара Нинчі, Пора Нинчі,
Ўзўм Чачах тура тўскеннер*

‘[На] каменистый хребет забежали
Три лисы с черно-серебристой шерстью.
Завертевшись, встряхнулись
Хара Нинчи [с] Пора Нинчи
[И] Ўзўм Чачах превратились’
[Курбижекова 2011: 97]; (перевод наш. — В. Б.);

*Хара Нинчінең Очы-Сарыг анда
Ах өрге ибдең сыхтылар:
„Че, амды Албынчы ачырған халар“, —
тісчелер,
Хара тўлгў полып Хара Нинчі,*

‘Хара Нинчи с Очы-Сарыг тогда
[Из] белого дворца вышли:
„Ну, сейчас Албынчы будет
горевать“, — [злорадно] говорят,
Черной лисицей обратившись,
Хара Нинчи,
Белесым волком ставшая
Очы Сарыг,
В сторону захода солнца глядя,
Побежали’
[Албынчі 1951: 83]; (перевод наш. — В. Б.);

Хуу пўўр полып Очы Сарыг

*Кўннің кірізі чирні көре
Ойлап парыбысханнар*

*Алып Хан Хыс ачырған турадыр:
— Аданың ачии полды,
Иненің хохыйы полды!
Ах хуус хуягының ізібінең
Хан Мирген пирген
Брах көрчең кўн көстікті*

‘Богатырка Хан Хыс сокрушается:
— Отцово горе случилось,
— Матери отчаянье настало!
Из кармана белого кожаного доспеха
[От] Хана Миргена полученное,
Далеко [всё] видящее солнцу
[подобное] зеркало
Достала.
[Из] белого дворца выйдя,
[В] ноги бросив, взглянула.
[И] перед белым дворцом
Белесого волка [и] черной лисицы
Следы-дорожку обнаружила.
Следы распутывая,
[И] дорожку исследуя, глядит.
[Вплоть до] дальней земли обозревает:
[До самых] низин земли
Достигших, стремглав убегающих
Черную лисицу
[И] белесого волка узрела.
[С] черными мыслями Хара Нинчи
[С] дурными мыслями Очы Сарыг

*Сыгарып алган.
Ах пайзаң ибдең сыгып киіп,
Азахти тастап көрібіскен.
Ах пайзаң ибнің алнынаң
Хуу пўўрнең хара тўлгўнің
Ізі-чолын көріп тапхан.
Істерін істеп,
Чолларын чоллап көр турчададыр.
Браххы чирге читіре көр тур:
Чир чабызы чирде
Читіре ойлас парыбысхан
Хара тўлгўнең
Хуу пўўрні коріп тапхан.
Хара сағыстыг Хара Нинчінең
Чабал сағыстыг ОчыСарыг*

*Чир чабызы чирге чит парыбысханнар.
İki палазы оларның холына
Түс парган парчададыр.*

Низин подземелья достигли.
Двое детей [её] в их руки
Попавши, [с ними] идут'

[Ай Хуучын 1958: 361–362]; (перевод наш. — В. Б.).

В мировоззрении хакасов Нижний мир, как правило, отождествляется с пространством, в котором отсутствует свет и царит вечная тьма. Поэтому в устном народном творчестве по отношению к нему обычно применяется эпитет *хара* — 'чёрный' или *хап-хара* / *хап-харасха* 'чёрный-пречёрный / промозглая тьма'. Совершенно естественно и то, что жители подземного царства также обладают соответствующей номинацией — *харалар/харазы*. Поэтому не случаен тот факт, что масть лисиц, обитающих там,

имеет соответствующую колоративную характеристику. В связи с этим богатыри — представители светлого, солнечного мира для того, чтобы беспрепятственно попасть туда, нередко оборачиваются в черных лисиц [Алтын Арыг 1988: 545].

В богатырских сказаниях встречается сюжет, связанный с непосредственной расправой героя с нечистой силой, представленной в виде черной лисицы. В финале этого действия, когда спадают ее чары, она проявляет свой изначальный женский образ:

*Алып төреен чалаас оолах амды
Ат чобатхан хара түлгүзін*

*Паарынаң айланза, паарынаң саапча.
Аргазынаң айланза, аргазынаң саапча.
Хатыг согыс полган туста
Хырых хулас сынның ол түлгү
Аар-неер айланган — сах-андох
Ўс азыр хара чылан сүрместіг
Ўчең-Арыг хыс абахай пол-парган
Ўчең-Арыгны чалаас оолах
Хап чілеп аар-неер сөзір-тур,
Теер чілеп аны истеп-тур.
Ўр дее, ас таа аны саппады,
Ўзілбес тынын үзе сапты*

'Богатырем рожденный, голый мальчик теперь
[На] лошади [своей] до измождения [преследованием]
черной лисицы

[Ту лисицу] печенью повернув, по печени бьет.

Спиной развернув, по хребту бьет.

Во время жестокой расправы

О сорока саженой та лисица

Туда-сюда извивалась — и там же

[С] тремя растопыренными змеевидными косичками

[В] Учен Арыг деву-красавицу превратилась

Учен Арыг [деву] голый мальчик,

Подобно мешку, туда-сюда волочит,

Подобно шкуре, ее выделяет.

[И] не долго, [и] немного ее бил.

Необрываемую душу-дыхание [ее] ударом оборвал'

[Кильчичаков 1946: 84–85]; (перевод наш. — В. Б.).

Вера хакасов в то, что лисица непосредственно связана с Нижним миром и нечистой силой, а значит, потенциально опасна и вредоносна, нашла отражение в дорожных приметах. Считалось неблагоприятным знаком, когда лисица перебежала путнику дорогу. Отметим, что подобные представления были распространены и среди монгольских народов [Содномпилова 2009: 323]. Помимо того, хакасские охотники были убеждены в том, что если в процессе охоты первой из зверей попадалась лисица и если они ее не сумели подстрелить, то промысел будет заведомо неудачным. В таком случае охотники сразу же покидали промысловые угодья и возвращались домой [Карачаков 2004: 63].

Заключение

Исходя из изложенного материала, можно сделать вывод о том, что лисица занимала важное место в культуре хакасов. На протяжении веков она была и остается одним из распространенных и ценных промысловых зверей. Лисий мех, обладая высокой материальной и символической ценностью, был чрезвычайно востребован у населения и был одним из распространенных предметов торгового обмена, выполняя функцию платежного средства.

Лисьи шкуры широко использовались хакасами при изготовлении головных уборов и шуб. Наиболее известным и высоко значимым предметом гардероба являлась лисья шапка свахи — *түлгү пөрік*. Ее образ

был широко запечатлен в фольклоре и обрядовой практике народа. Заметим, что на фотографиях хакасов, запечатленных в конце XIX – начале XX столетия, довольно часто встречаются женщины в костюме свахи и с лисьей шапкой на голове.

В традиционном мировоззрении хакасов образ лисицы сложен и неоднозначен. В процессе формирования характерных черт мифологического образа этого зверя повлияла сама ее биологическая природа, главным образом, ее внешние данные, поведение и среда обитания. В мифологическом мышлении проекция ее зоологических особенностей выразилась в наделении ее образа такими чертами, как высокий интеллектуальный потенциал, прекрасное чутье, проворство и высокая мобильность. Мифологический облик лисицы связан с представлением о небе и небесных объектах и вместе с тем имеет прямое отношение к нижним сферам мироздания и ее демоническим обитателям.

Литература

- Ай Мічікнің 1993 — Ай Мічікнің и Кўн Мічік // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. С. 4–62.
- Ай Хуучын 1958 — Ай Хуучын // Алтын Арыг. Алыптыг ныхмах (Героическое сказание). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 318–419.
- Албынчі 1951 — Албынчі // Алыптыг ныхмахтар (Героические сказания). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.
- Алексеев 1975 — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 188 с.
- Алтын Арыг 1988 — Алтын Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
- Алтын Тайчы 1973 — Алтын Тайчы. Алыптыг ныхмах (Героическое сказание). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
- Бурнаков 2016 — Бурнаков В. А. Зооморфные фетиши — тӱс'ы в традиционной обрядовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Религиоведение. 2016. № 1. С. 31–46.
- Бутанаев 2003 — Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во ХГУ, 2005. 200 с.
- Бутанаев 2006 — Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 254 с.
- Лисица наделялась чертами медиатора, беспрепятственно преодолевающего огромные пространства и курсирующего между мирами. Подобное ее восприятие способствовало включению лисицы в шаманскую практику и традиционную обрядность хакасов. Она была включена в круг представлений, связанных с домашними духами-покровителями, и была задействована в народной медицине и бытовой магии.
- Одной из ключевых особенностей восприятия лисицы было ее отождествление с женским началом. При этом согласно устному народному творчеству хакасов в образе этого зверя могли воплощаться как положительные, так и отрицательные героини.
- Все вышеприведенное свидетельствует о том, что образ лисицы в мировоззрении хакасов обладал широким семантическим полем, в котором совмещались полярные черты и признаки.
- Вербицкий 1993 — Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 270 с.
- Герасимов 1950 — Герасимов Ю. А. Лисица. М.: Заготиздат, 1950. 71 с.
- Доможаков 1951 — Доможаков В. И. Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. С. 60–84.
- Зворыкин 1929 — Зворыкин Н. А. Охота на лисиц. М.: Изд-ие Всекохотсоюза, 1929. 75 с.
- Карачаков 2004 — Карачаков С. Е. Чоныма ӧдізім айландарчам (= Возвращаю свой долг народу). Абакан: Хак. кн. изд-во, 2004. 112 с.
- Катанов 1887 — Катанов Н. Ф. Сказания и легенды минусинских татар // Сибирский сборник. 1887. Т. XXV. С. 218–235.
- Катанов 1907 — Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: [б. и.], 1907. Т. 9. 640 с.
- Кильчичаков 1946 — Кильчичаков М. Е. Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаар // Хакасский фольклор. Абакан: Хакоблнациздат, 1946. С. 73–102.
- Кӱк Хан 1974 — Кӱк Хан. Алыптыг ныхмах (На хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1974. 112 с.
- Костров 1884 — Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда. Т. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. С. 208–248.

- Кропоткин 1895 — *Кропоткин А.* Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Т. XII. Ч. 1. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб.; М.: Изд-ие тов-ва М. О. Вольфа, 1895. С. 19–50.
- Кузнецова, Кулаков 1898 — *Кузнецова А. А., Кулаков П. Е.* Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. 299 с.
- Курбижекова 2011 — *Курбижекова А. В.* Сибен Арыг (героическое сказание). На хак. яз. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. 324 с.
- Лосев 2007 — *Лосев С. О.* Лисица и охота на нее. М.: Вече, 2007. 304 с.
- Миллер 2009 — *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Мифы 2006 — Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 210 с.
- Мудрое слово 1976 — Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
- Николаева 2010 — *Николаева Н. Н.* Лиса в эпическом фольклоре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 277–283.
- Овичев 1905 — *Овичев.* Богатырские поэмы Минусинских татар // Сибирский наблюдатель, 1905. Томск. Кн. 3 (март). С. 1–9.
- Орфеев 1887 — *Орфеев Н.* Место обитания душ умерших людей — подземное царство, духи, управляющие им, и наказания грешников, по сказаниям минусинских инородцев (Материалы для изучения инородческих вероучений) // Енисейские епархиальные ведомости, 1887. № 15–16. С. 175–181.
- Островских 1895 — *Островских П. Е.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
- Попов 1884 — *Попов Н. А.* Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. Т. 20. Вып. 6. СПб., 1884. С. 645–659.
- Потанин 2005 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1026 с.
- Потапов 1952 — *Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакоблгосиздат, 1952. 217 с.
- Сагайский обряд 1998 — Сагайский обряд снятия порчи и очищения Т. С. Бурнаковой [электронный ресурс] // Культура РФ. Оказиональные обряды и магические практики <https://www.culture.ru/objects/451/sagaiskii-obryad-snyatiya-porchi-i-ochisheniya-t-s-burnakovo/> (дата обращения: 21.12.2019).
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Содномпилова, Нанзатов 2016 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Зооморфный код в контексте этногенетических связей: Лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 15. С. 48–63.
- Субракова 2007 — *Субракова О. В.* Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Сугрובה 2004 — *Сугрובה В. Ю.* Лиса и охота на нее. М.: ООО «Аквариум-Принт», 2004. 61 с.
- Түлгү-хызыл 1951 — Түлгү-хызыл Алып-хыс (= Красная Лисица Богатырша-дева) // Алып-тыг ныхыхтар (Героические сказания). Абакан: Хак. обл. изд-во, 1951. С. 101–156.
- Унгвицкая, Майногашева 1972 — *Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
- Хакасские... 1980 — Хакасские народные тапхи. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1980. 132 с.
- Хакасский героический 1997 — Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.
- Хан Орба 1989 — Хан Орба: Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева (на хак. яз.). Абакан: Хак. издат., 1989. 208 с.
- Хан-Тонис 2007 — Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М. Р. Баинова. Новосибирск: Новосибирск. кн. изд-во, 2007. 384 с.
- Хара Хусхун 1977 — Хара Хусхун. Алыптыг ныхмах (= Героическое сказание). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1977. 196 с.
- Чудновский 1885 — *Чудновский С. Л.* Енисейская губерния: К трехсотлетию юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск: Тип-я «Сибирской газеты», 1885. 198 с.
- Шибеева 1959 — *Шибеева Ю. А.* Одежда хакасов. Сталинабад: Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1959. 126 с.
- Шулбаева 2016 — *Шулбаева Н. В.* Образы женщин-богатырок в героическом эпосе хакасов как символ национальной гордости // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 2 (14). С. 89–92.
- Щукин 1847 — *Щукин Н. С.* Звериные промыслы в Восточной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. 1847. Ч. 19. С. 408–446.

References

- [Altyn Aryg: a Khakas Heroic Epic]. Moscow: Nauka, 1988. 592 p. (In Khak.)
- [Altyn Taichy: a Heroic Tale]. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1973. 148 p. (In Khak.)
- [Ay-Khuuchin: a Khakas Heroic Epic]. Novosibirsk: Nauka, 1997. 479 p. (In Russ.)
- [Khakas Folk *Takhpakhs*]. Abakan: Khakas Book Publ., 1980. 132 p. (In Russ. and Khak.)
- [Khakas Myths and Legends]. Abakan: Khakas Book Publ., 2006. 210 p. (In Russ.)
- [Khan Orba: a Heroic Tale Recorded from S. I. Shulbaev]. Abakan: Khakas Book Publ., 1989. 208 p. (In Khak.)
- [Khan-Tonis Riding the Dark Grey Horse: a Heroic Tale Recorded from M. R. Bainov]. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publ., 2007. 384 p. (In Russ.)
- [Khara Khushkun: a Heroic Tale]. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1977. 196 p. (In Khak.)
- [Kök Khan: a Heroic Tale]. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1974. 112 p. (In Khak.)
- [The Word of Wisdom: Collected Khakas Proverbs, Sayings, and Riddles]. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1976. 128 p. (In Russ.)
- Albynchii. In: [Heroic Tales]. Abakan: Khakas Oblast Book Publ., 1951. Pp. 13–98. (In Khak.)
- Alekseev N. A. [Traditional Religious Beliefs of the Sakha: 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1975. 188 p. (In Russ.)
- Ay Khuuchyn. In: [Altyn Aryg: a Heroic Tale]. Abakan: Khakas Book Publ., 1958. Pp. 318–419. (In Khak.)
- Ay Michiknin and Kün Michik. In: [Ay Michik and Kün Michik: Heroic Tales]. Abakan: Khakas Book Publ., 1993. Pp. 4–62. (In Khak.)
- Burnakov V. A. *Tös zoomorphic fetishes in Khakas traditional rites: late 19th – mid-20th centuries. Religiovedenie*. 2016. No. 1. Pp. 31–46. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. [Burkhanism of Sayan-Altai Turks]. Abakan: Khakas State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. [Traditional Shamanism of Khongorai]. Abakan: Khakas State University, 2006. 254 s.
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. [Sayan Turks: Archaic Customs and Rites]. Abakan: Khakas State University, 2005. 200 p. (In Russ.)
- Chudnovsky S. L. [Yeniseysk Governorate: Statistical and Journalistic Sketches. Celebrating the Tercentenary of Russian Siberia]. Tomsk: Sibirskaya Gazeta, 1885. 198 p. (In Russ.)
- Domozhakov V. I. Khakas riddles. In: [Khakas Research Institute of Language, Literature and History: (Scholarly) Notes]. Vol. 2. Abakan: Khakas Oblast State Publ., 1951. Pp. 60–84. (In Russ.)
- Gerasimov Yu. A. [Fox]. Moscow: Zagotizdat, 1950. 71 p. (In Russ.)
- Karachakov S. E. [Repaying Debts to the People]. Abakan: Khakas Book Publ., 2004. 112 p. (In Khak.)
- Katanov N. F. [Dialects of the Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars, and Karagases: Examples of Turkic Folk Literature Published by V. V. Radlov]. St. Petersburg, 1907. Vol. 9. 640 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. Tales and legends of Minusinsk Tatars. *Sibirskiy sbornik*. 1887. Vol. XXV. Pp. 218–235. (In Russ.)
- Kilchichakov M. E. Heroic Tale of Pil Taraan. In: [Khakas Folklore]. Abakan: Khakas Oblast National Publ., 1946. Pp. 73–102. (In Khak.)
- Kostrov N. A. Minusinsk Tatars: Sketches of Everyday Life. In: [4th Archaeological Congress]. Proc. Kazan: Imperial Kazan University, 1884. Vol. 1. Pp. 208–248. (In Russ.)
- Kropotkin A. The Sayan and Minusinsk District. In: [Picturesque Russia]. Vol. XII. Part 1: Russia's East. Eastern Siberia. St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf, 1895. Pp. 19–50. (In Russ.)
- KULTURA.RF (culture.ru). Sagay anti-sorcery and cleansing rites by T. S. Burnakova. Occasional rites and magic practices. Available at: <https://www.culture.ru/objects/451/sagaikii-obryad-snyatiya-porchi-i-ochisheniya-t-s-burnakovo> (accessed: December 21, 2019). (In Russ.)
- Kurbizhekova A. V. [Siben Aryg: a Heroic Tale]. Abakan: Khakas Book Publ., 2011. 324 p. (In Khak.)
- Kuznetsova A. A., Kulakov P. E. [Non-Russian Populations of Minusinsk and Achinsk Districts]. Krasnoyarsk: Yeniseysk Provincial Government, 1898. 299 p. (In Russ.)
- Losev S. O. [Fox and Fox Hunting]. Moscow: Veche, 2007. 304 p. (In Russ.)
- Müller G. F. [Description of Siberian Peoples]. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2009. 456 p. (In Russ.)
- Nikolaeva N. N. Fox in Buryat epic folklore. *Buryat State University Bulletin*. 2010. No. 10. Pp. 277–283. (In Russ.)
- Orfeev N. Where souls of the dead live — the underworld, its ruling spirits, and punishment of the unrighteous: research materials on non-Russian beliefs and religions. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 1887. No. 15–16. Pp. 175–181. (In Russ.)

- Ostrovskikh P. E. Turks of Minusinsk District: ethnographic notes. *Zhivaya starina*. 1895. No. 3–4. Pp. 297–348. (In Russ.)
- Ovichev. Heroic poems of Minusinsk Tatars. *Sibirskiy nablyudatel'*. 1905. Vol. 3 (March). Pp. 1–9. (In Russ.)
- Popov N. A. Kacha Tatars: beliefs and some rites revisited. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1884. Vol. 20. No. Pp. 645–659. (In Russ.)
- Potanin G. N. [Essays on Northwestern Mongolia]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 2005. 1026 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [History and Ethnography of the Khakas People, 17th–19th Centuries: Brief Essays]. Abakan: Khakas Oblast State Publ., 1952. 217 p. (In Russ.)
- Shchukin N. S. Fur hunting and trapping in Eastern Siberia. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 1847. Vol. 19. Pp. 408–446. (In Russ.)
- Shibaeva Yu. A. [Khakas Garments]. Stalinabad: Lenin Tajik State University, 1959. 126 p. (In Russ.)
- Shulbaeva N. V. Images of women-heroes in the heroic epos of the Khakass as a symbol of national pride. *Sayan-Altai Scientific Review*. 2016. No. 2 (14). Pp. 89–92. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. [Mongolic Peoples: the World in Traditional Worldviews and Practical Activities]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2009. 366 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorphic code in ethnogenetic context: fox in traditional beliefs of Mongolian peoples. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2016. Vol. 15. Pp. 48–63. (In Russ.)
- Subrakova O. V. [Language of Khakas Heroic Epic]. Abakan: Khakas Book Publ., 2007. 164 p. (In Russ.)
- Sugrobova V. Yu. [Fox and Fox Hunting]. Moscow: Akvarium-Print, 2004. 61 p. (In Russ.)
- The Red Fox Female Hero. In: [Heroic Tales]. Abakan: Khakas Oblast Publ., 1951. Pp. 101–156. (In Khak.)
- Ungvitskaya M. A., Maynogasheva V. E. [Khakas Folk Poetry]. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1972. 312 p. (In Russ.)
- Verbitsky V. I. [Non-Russian Populations of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1993. 270 p. (In Russ.)
- Zvorykin N. A. [Fox Hunting]. Moscow: All-Union Cooperative Hunting Association, 1929. 75 p. (In Russ.)